

Евгений МЕЛЬНИКОВ (1946 – 2011), прозаик, поэт,
член Союза писателей России.

К ШТЫКУ ПРИРАВНЯЛ ПЕРО

Однажды с группой ульяновских писателей-профессионалов, среди которых были такие признанные мастера литературы, как Н. Благов, В. Пыров и В. Дедюхин, я поехал на встречу с сельскими тружениками. Был я тогда еще начинающим литератором и впервые познакомился с неизвестным мне членом Союза художников СССР Ю.И. Куликовым. Он был веселый, смешливый и остроглазый – красивый и внешне, и внутренне. На какое-то время показался даже легкомысленным балагуром. Что он будет делать на этой встрече? Рассказывать фронтовые байки и картины показывать? Всерьез я его как-то не принимал. И даже когда Н. Благов объявил на дощатой сцене районного Дома культуры, что свои стихи почитает ветеран войны Юрий Куликов, скептически ушел в себя: буду я еще слушать очередного графомана.

Но первые же строчки в стихотворении «Застыли вздыбленной дугой разрывом сорванные траки...» заставили меня вздрогнуть и вслушаться. Я замер от удивления и неверия: может, списал у кого-то из классиков? Я поразился не только мастерству стихосложения, но и умению насыщать до предела каждую строфу неподдельным драматизмом повествования.

И в трауре летящей сажу,
В тяжелом масляном огне
Уходят души экипажей
Через пробоины в броне.

* * *

Ушел, покинул свой порог
В тяжелый год беды великой.
Армейским грохотом сапог
Давили роты бабы крики.

Это было откровение. Этого нельзя было выдумать, не пережив самому. Ни один член Союза писателей СССР не потряс меня на этом вечере, как

незнакомый художник. Я горячо высказал ему свой восторг. Он пристально заглянул мне в глаза, с профессиональной зоркостью рисовальщика, убедился, что я искренен, и молча пожал мне руку в знак благодарности. Так мы стали друзьями, хотя разница в возрасте была солидная.

Я не большой поклонник военной литературы, но стихотворения Юрия Ивановича о войне меня сразу покорили своей трагичной живописностью, художественной зримостью и особой тревожной музыкальностью. В них выплеснулось, наконец, то, что он таил в себе подспудно, заглушая боль внешней веселостью и иногда бравадой. Вся потаенная ненависть светлой его души к войне, к темной стороне человеческого бытия отразилась в четких классических ямбах и хореях. Он не мог и не умел, как другие, писать о войне что-нибудь маршевое, победное и бравурное. Он отвергал войну как уродливое явление жизни на земле, как исчадие ада, как сатанинское наваждение в человеке.

С тех пор я без конца советовал Юрию Ивановичу серьезней отнестись к своему поэтическому таланту, который при упорном труде мог выдвинуть его в первый ряд лучших советских поэтов-фронтовиков. Но он лишь отшучивался и отмахивался. Потом я понял, что к Поэзии у него такой же священный трепет, как и к Любви. Не хотел он писать стихи, когда душа не лежала ни к перу, ни к бумаге. Только по истинному вдохновению, когда в груди становилось душно от жажды высказаться о главном. Поэтому у Ю. Куликова-поэта нет ни одного проходного или слабенького стихотворения – все они полновесные и настоящие, как пули, сражающие читателя наповал. Не случайно его поэтическое творчество высоко ценили такие мэтры, как Николай Старшинов, Константин Симонов. Не случайно стихи Юрия Куликова вошли в антологию поэзии о войне «Венок славы», были опубликованы в различных поэтических альманахах и сборниках.

* * *

И боги, и черти, и рати святых
От этого боя сбежали,
Тяжелый удар попаданий прямых
Корежит заклепки дюрала.
И рухнули в небе к возврату мосты,
Машине пылающей заживо,
Не вырвать у смерти набор высоты
Последним надрывом форсажа.

Другие сожгут в карусели огня
Патроны, бензин и минуты,
И в небо надежда бросает меня
Под шелковый взрыв парашюта.
Но шелк не броня, и стропы тонки,
И принимает стремительно
Земля громыхающей Курской дуги
Летящего к ней истребителя.